Венера-II

Ил Велимиров

литературный конкурс

Проект особого значения

ЗАСЛОН

ЛитРес

18+

Ил Велимиров
Венера-II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67709714
SelfPub; 2022

Аннотация

Героев рассказа мало волнует, что за тайны хранит старый институт исследований космоса. Они увлеченно решают свои любовные проблемы, работают и просто живут в закрытом городе Лобачевский, не обращая внимания на странности этого места. Так происходит до того момента, пока всё тщательно скрытое не начинает угрожать катастрофой их привычному миру.

Ил Велимиров
Венера-II

Даже не знаю, с чего начать, как вам описать всю эту историю, которая со мной случилась. В общем, Лобачевский, где я живу, очень спокойное место и жить здесь одно удовольствие. Я так люблю этот город, и нашу квартиру в центре по улице Васенькина, в доме между "Кометой" и шестой школой, с окнами во двор на детскую площадку с качелями и песочницей. Я никогда не уезжал отсюда и для меня всегда в этом месте июль и утром под окнами поют соловьи, ну или Новый год с елкой и мандаринами. Вот чёрт, не устаю себя проклинать. Как же так вышло, что всё это рухнуло в одни миг? Эх, зачем я только в это влез! Постараюсь взять себя в руки и излагать по порядку, что бы было понятно, в какой опасности мы сейчас оказались.

Если начать с начала, то я работаю в «НИИ ИНСЕРТЕХ им. Лобачевского». Мне 29 лет и я всю жизнь провел здесь, в нашем городе, и, кажется, всю жизнь проработал в НИИ. Смешно звучит, но это правда – всю жизнь. Мне было тогда лет семь или восемь, и я боялся оставаться дома один. Сейчас можно посмеяться, вспоминая эти истории, а родителям тогда приходилось несладко. Когда мама училась, с собой на работу меня брал отец. Мы шли, и я прятался на проходной за его плащом. Тетя Валя сначала как будто меня не замеча-

ла из своей будки, а потом подмигивала мне, когда мы оказывались по ту стороны турникета. Она и сейчас у нас работает. Теперь уже баба Валя, конечно. Да, я работаю сейчас в том же самом кабинете, что и мой отец. Кажется, там ничего не поменялось с тех пор. Я ничего там никогда не менял. Прямо скажу, я ничего там не трогал! У него в кабинете большой стол и замечательный вид из огромного окна на площадь перед институтом, на реку, поля за рекой и лес. Когда у отца проходили совещания, я сидел под столом. Мне там было просторно, и я спокойно читал книгу. Порой он работал до глубокой ночи и всё это время я был с ним. Проходили совещания, они что-то обсуждали и говорили на своем мне непонятном языке.

На совещаниях утром обсуждали Мигелито и его кота Макса. Мигелито – кубинский мальчик, мой ровесник – прятался или выделывал какие-нибудь фокусы, а задачей команды моего отца было найти его и рассказать кубинским друзьям о его проказах. Эти встречи проходили легко и даже весело. Отцу с командой всегда удавалось «вычислить» Мигелито, повторить его рисунки и даже постоять на голове к общему громогласному смеху. С Максом было вообще просто. Кот спал, либо ел, куда бы его ни посадили. Однажды он решил удрать от Мигелито, но был быстро найден советскими коллегами, возвращен и сытно накормлен. Всё было хорошо, и товарищ Брежнев подарил Мигелито на день рождения радиоуправляемый луноход, который отправили на Ку-

бу прямо из Лобачевского почтой.

Во вторую половину дня начинались совещания, которые волновали моего отца больше всего. Речь шла о проекте «Дальняя обитель». Отец мой часто едва сдерживал гнев. Голос его рокотал по всему институту, грозя разрушением и стенам кабинета и селектору. Его вечные оппоненты, «люди из Боголюбова» невозмутимо перечисляли все трудности, которыми полна их жизнь ученых-математиков: от алгоритмов Попова-Кулёмина и Бёхлера-Зурека, до мышей в вычислительной лаборатории.

– Да, нам потребовалось шестьсот восемьдесят семь часов вычислений для полной дешифровки. Я зачитаю полученный результат: «Нет», – говорил голос на том конце провода.

– Что, «нет»?

– Это полученный результат: «Нет».

– Они ответили «нет»?

– Да.

– И вы потратили на это свыше шестисот часов?

– Нет, значительную часть этого времени мы перепроверяли полученный результат.

– Немыслимо.

В общем, с «Дальней обителью» всё было непросто. Ближе к вечеру отцу докладывали о ещё каком-то проекте. Сотрудники говорили так, будто сами не верили в удачу или боялись чего-то, что нельзя было выразить и даже осознать.

Звучали фразы: «комиссия по культурному обмену», «они интересуются творчеством Чехова», «они выразили надежду и уверенность», «комиссия по межкультурному взаимодействию», «дипломатический диалог», «важнейший шаг в развитии общества», «вэсапиенс». Отец просто слушал, легонько выстукивая карандашом по поверхности стола. Доклады эти не требовали от него действий, просто немного внимания.

Мы возвращались домой на отцовской «Волге». Как-то я решил спросить:

– Пап, а может быть такое, что вэсапиенс – наши потенциальные противники?

Отец повернулся и внимательно посмотрел на меня:

– Их цивилизация гораздо древнее и мудрее нашей, они выживают в таких условиях, которые нам и не снились, они просто не могут…

– Да я не то имел в виду. Вдруг это империалисты водят нас за нос?

– С чего ты взял?

– Просто подумал.

– Ну, Мигелито же настоящий и его кот тоже.

– А они нет.

Отец грозно посмотрел на меня и отвернулся. Оставшуюся дорогу мы молчали. Да, впрочем, это всё из важных воспоминаний о моем отце. Были ещё походы на речку на майские выходные вместе с мамой и его друзьями из института,

и запуск ракеты в ночное небо, и ещё много чего, что не отнести к делу.

Ещё у нас в институте замечательная столовая. Обычно я трачу на обед около двенадцати рублей. Это, например, за салат из свежих овощей, два бифштекса с яйцом, пюрешку и компот с булочкой. Супы я не ем, хотя беру уху по четвергам. Обожаю столовские булочки. Таких нежнейших булочек с сахаром и корицей, теплых и душистых нет нигде в Лобачевском, и я уверен, в целом мире. И ещё пару сочней с творогом беру с собой. Думаю, пришло время признаться, что я ничего не понимаю в том, что делаю. Вернее, со мной всё в порядке, я отлично разбираюсь в бытовых вопросах, хотя и живу с мамой. У меня была девушка, а было время, когда я вообще встречался с двумя сразу. Повторюсь, я отлично разбираюсь в бытовых вопросах и понял, что семья, жена и дети, это не для меня. Скажу проще, хоть я и сижу в кабинете своего отца, но я ничего не понимаю в его работе. И, на мою голову, никто в ней тоже ничего не понимает! Если бы это было иначе, меня бы давно уволили, и я бы пошел работать учителем в школу… Учителем физики или математики – моих любимых предметов. Ну, в общем, по порядку.

***

Под нашим институтом расположен огромный электромагнит. Такой ещё один есть в Европе, один в Штатах и в Китае сейчас строят такой же, только все они в разы меньше нашего. Я говорил уже про поле и лес. Когда мы включаем

наш магнит, который проложен и под полем и под лесом, то трактора на поле глохнут, а ночью верхушки деревьев над лесом как будто сияют. И все дети в Лобачевском думают, что светиться ночью в темноте несколько раз в год – это нормально для любого дерева. Как ни парадоксально, наш магнит является мощнейшим подземным телескопом, принцип действия которого я пояснить не могу. И сотрудники института иногда называют друг друга «подземными астрономами». Есть даже такой местный термин «болезнь подземного астронома».

Электромагнит мы должны включать хотя бы раз в квартал. Это важное условие существование нашего института. В эти дни, когда магнит включен, весь наш отдел задерживается на работе допоздна. А иногда, обычно в декабре и марте, мы ночуем на работе, так как троллейбусы в это время не ходят, а на велосипеде по снегу я не езжу. Наш отдел – это я и Георгий. Высокий и худой как тень. Если бы не наглаженный белый халат, я бы думал, что он живет на работе. За эти годы, что мы вместе, он не проронил мне ни слова. Я был бы уверен, что он немой, но иногда он что-то бубнит себе под нос на латыни. Возможно, это шумерский, я не силён в языках. Когда я прихожу к восьми утра на работу, а я никогда не опаздываю, он уже здесь. Ухожу домой в начале шестого, он все ещё у себя. Бывает так, что наш заведующий складом подходит ко мне и говорит:

– Это, слышь, Саныч, – он краснеет и кряхтит, – Павел

Саныч, нам с Валентиной нужно съездить на дачу сегодня, там банки из погреба забрать… Вы бы это, ну, магнит бы могли сегодня к часикам девяти хотя бы, это…

Я смотрю на него пристально и отвечаю:

– Сами же понимаете, Петр Филиппович, что зависит от этой работы… Ну хорошо, мы рассмотрим такую возможность…

После захожу к Георгию, говорю:

– Там Филипыч на счёт магнита просил, ему за банками на дачу сегодня.

Георгий поворачивается и кивает. Обычно он стоит, облокотившись о стену возле окна, и листает толстый инженерный справочник, весь в самописных пометках ручкой. Я както заглядывал туда. Такое ощущение, что у нас уже и греческие и латинские буквы закончились для обозначения переменных, и в ход идут совсем непонятные символы…

Обычно в такие дни деревья ночью сияют ещё ярче, а машины глохнут даже в городе. Утром мне звонит баба Валя с поста охраны и говорит уставшим голосом:

– Павел Александрович, Вы поберегите Георгия, он ведь сегодня совсем не спал.

Все наши отчеты составляет Георгий. Порой мне кажется, что он рандомно берет с полки любую папку и переписывает оттуда набор букв и цифр. Собирает всё это в две новые папки, одна из них становится на полку, а вторая идет к главному.

Пересказ моей жизни немного привёл меня в чувства. Я могу перевести дыхание, и руки больше не трясутся. Но медлить нельзя и мне нужно вернуться к описанию основных событий всей этой истории.

***

Как-то вечером, уже в конце рабочего дня, в пятом часу у меня в кабинете раздался телефонный звонок. Звонила Катя – секретарша главного. Меня вызывали на ковер. Такое не часто бывает. Скажу прямо, такое было впервые. Да и главного я нашего видел четыре раза в год, не чаще. Обычно он в Москве решал вопросы и к нам не наведывался.

Я накинул пиджак, вышел в пустой коридор и пошел по западной лестнице на двенадцатый этаж. По восточной лестнице я не хожу из суеверия. Оттуда открывается вид на пустые оконные проемы второго корпуса ИНСЕРТЕХа и на городское кладбище. Мне это совсем не нравится. Лифт у нас не работает уже много лет. Вернее, лифт есть, но только в кабинете у главного. А основной лифт не работает. Говорят, починить его дороже, чем достроить второй корпус. Я шел вверх и всё размышлял, что же главному от меня нужно и даже хотел вернуться за квартальным отчетом, но потом передумал. Скрипя паркетом, я подошел к огромной двери приёмной и с большим усилием приоткрыл её, чтобы протиснуться внутрь. Катя вся бледная уже была тут как тут и, слегка подтолкнув меня в спину по направлению шкафа в стене, напомнила мне вслед: "Николай Иванович". Я прошел

сквозь шкаф и вышел на другую сторону в просторнейший кабинет шефа. Наш главный, крупный краснолицый мужчина в дорогом костюме, сидел за столом, обхватив голову руками. Я приблизился и поздоровался:

– Добрый день, Николай Иванович, – главного зовут Николай Иванович Лобанов.

Он махнул мне рукой, чтобы я присел. Потом встал из-за стола, плеснул в стакан виски и протянул мне. Тут стало ясно, что всё совсем плохо, и я вцепился в стакан. Лобанов начал расхаживать туда-сюда. Видимо, он мысленно произносил какой-то монолог, так как время от времени жестикулировал и многозначительно смотрел в мою сторону. Думаю, он что-то сейчас пытался мне объяснить, но молчал, так как говорить об этом было нельзя. Я смотрел то на него, то на фото на стене, где он молодой пограничник принимает награду из рук невысокого седого мужчины в кожаном пальто, то на книжные полки с учебниками по маркетингу и менеджменту, то на огромный портрет Президента, то на поле и реку за окном.

– Принято решение возобновить "Венеру два", – наконец вымолвил главный и упал в кресло… Паша, на тебя вся надежда.

Не помню, как после этого я оказался у себя в отцовском кабинете. На столе лежала куча квартальных отчетов за прошлые годы, ещё картонная коробка с перфокартами для нашего магнита и пачка рентгеновских снимков с какими-то

мутными белыми пятнами на них. Да, ещё была тонкая папка-скоросшиватель с надписью "ДСП" в верхнем правом углу. Я открыл её, надеясь получить хоть какую-то информацию из этой кучи хлама. Там лежал один лист формата А4, на который была вклеена известная цитата из Достоевского, про то, что мол вечность может оказаться всего лишь пыльной банькой с пауками. Всё, в папке было пусто. Шёл уже десятый час вечера, взошла луна. Домой нужно было идти пешком, и я решил остаться. Предупредил маму, она охала и ахала по телефону и сказала, что я совсем как отец. Ситуация тогда была сложной, но не критической. Мне нужно было понять, чего от нас хотят. Этот вопрос занял все мои мысли. Меня даже не беспокоила подмена кем-то документов "ДСП". Тогда я решил, что буду тянуть время до квартальной премии, получу её и уволюсь. Почему-то я был уверен, что меня просто отпустят, и я пойду работать учителем в школу. Возможно, если отчет Георгия их устроит, будет повышенная премия. Всё-таки "Венеру-2" было решено возобновить. Такие наивные рассуждения тогда у меня были. Под утро я решил поискать в интернете про "Венеру-2". Выяснилось, что это советский проект межпланетной космической станции для исследования поверхности Венеры. Никакой прямой связи между космической станцией и нашим магнитом не было. И меня смущало то, что название проекта на папке "ДСП" выглядело так: "Венера-II" (два римскими цифрами), а название космического проекта: "Венера-2" (арабски-

ми цифрами). Короче говоря, это были два разных проекта. И мне стоило тогда собрать вещички и найти способ улететь в космос, а не воплощать свой глупый план. Утром я пошел к Георгию и отнес ему весь хлам со своего стола (отчёты, перфокарты и рентгеновские снимки с белыми пятнами). Только папка с надписью "ДСП" осталась в ящике отцовского стола. Возможно, это единственная причина, по которой я всё ещё жив и прячусь сейчас между банками с солеными огурцами и вареньем. Когда я пересказывал историю про ковер у главного, Георгий всё хмурился и был чернее тучи. Видимо, он хорошо осознавал тот груз старых нерешенных проблем, который наваливался на нас сейчас. Я оставил его со всем этим и вернулся к себе. Телефон в кабинете разрывался, я дрожащей рукой поднял трубку:

– Ало?

– Чё в сеть не выходишь? – фух, это был Ярик.

– Щас, занят был очень. Вчера главный вызывал, накидал мне заданий.

– Фига се, он в Лобаче?

– Ага…

Ярик был ай-ти-гением. Это он придумал вывести антенну интернета на крышу второго корпуса, и вот уже несколько месяцев у нас в ИНСЕРТЕХе была своя небольшая подпольная сеть с интернетом.

Дальше я немного посидел в чате, а потом почитал ещё про проект "Венера-2". Советский космический аппарат

спустился на поверхность планеты и сделал несколько снимков. Мне показалось это очень интересным. Раньше я думал, что там сплошной ад: кислотные и лавовые реки, а твердой поверхности нет. Произведя некоторые вычисления, я пришел к выводу о том, что на Венере при такой плотности атмосферы могла быть жидкая вода в виде концентрированного раствора серной кислоты. Потом я вспомнил про пропажу документов "ДСП" и решил выяснить, кто же был вчера вечером с пяти до десяти на работе. Мне пришлось покопаться немного в файлах Ярика. Он ведущий специалист в первом отделе и отвечает за все эти вопросы. Впрочем он и есть первый отдел, так как его начальник Потапов летом живёт на даче и передал все полномочия Ярику. Изучая файлы с турникета, я выяснил вот что: на работе был я, Георгий, Ярик, Валентина (была её смена) и Аркадий Романович Корноухов. Тут мне всё сразу стало ясно. С этим персонажем у меня была одна история, которую я уже упомянул. Совсем неприятная для него история. Аркаша классический ботан и дрищ: худой, бледный, с оттопыренными ушами и в очках с толстенными стеклами. Одежда у него всегда на размер шире и длинные руки торчат из рукавов пиджака как палки из ведер. Возрастом он чуть старше меня. Аркаша не ровно дышал к кадровичке Марине. Дарил ей букеты и конфеты по всякому поводу, и, я слышал, приглашал в кино. Это притом, что Марина была замужем. Как-то раз, это было полтора года назад, в ИНСЕРТЕХе был новогодний праздник с танца-

ми и шампанским. Марина отказала Аркаше с его неловкими домогательствами, и он сидел, потерянный, глядя в стол. А у Марины было просто прекрасное настроение, она сияла как настоящая звезда, зажигала, смеялась и танцевала. Я уже собирался домой. В то время я встречался с Галей. Галя работала библиотекарем в маминой школе и мама нас познакомила. В общем, на нашем новогоднем вечере объявили белый танец. Дальше, возможно, вы догадались. Вряд ли кто-то видел, как мы с Мариной сосались в темном коридоре, а потом спрятались в кладовку и порушили там всё. С тех пор я стал немного задерживаться на работе и Марина тоже. Отношения наши длились где-то полгода. Аркадий ещё пытался ухаживать за ней, но было понятно, что всё бесполезно и он совсем сник. Потом у Марины начались проблемы по женской части, и врач посоветовала ей "завязать" со вторым мужчиной. Она логично выбрала остаться с мужем. Аркаша при встрече перестал со мной здороваться, краснел до кончиков ушей и глядел волком через толстые стекла очков. Если у меня и были враги, то среди них с большим отрывом лидировал Аркадий Корноухов. Осталось придумать, как вывести этого рогоноса на чистую воду и получить назад свои документы.

На следующий день мой план возврата документов всё ещё не был готов. Я поднялся на этаж, заглянул к Георгию, чтобы поздороваться. У него было закрыто. Прошел к себе. Как обычно вышел в сеть. Ярика не было. Мы немного по-

играли с Алиной в «Контру». Но это скучное занятие, так как она охотилась только за мной, а боты ей были так – на закуску. После пятидесятой своей гибели я вышел из игры. Она ещё постебала меня немного в чате, про то, какой я алкаш и забыл про нашу вымышленную годовщину. Я вяло отбивался про то, что, мол, у феминисток могут быть отношения только с неодушевленными предметами мужского пола. Алина пообещала подумать, как сделать из меня неодушевленный предмет, и я остался в чате один. Зазвонил телефон:

– Ало?

– Паха, кажется у нас проблемы… – голос у Ярика дрожал – На втором этаже, в музее…

Я бросил трубку и ринулся вон из кабинета. Кажется, несколько лестничных пролётов я просто проехал по перилам и кубарем выкатился на второй этаж там, где был музей.

– Ну жееесть…

Двери музея были выбиты вместе с дверной коробкой, куски дерева, бетона и штукатурки разбросаны по полу. В окне, левее от входа зияла дыра, пострадала даже оконная рама. Ветер гулял, раздувая листы моих с Георгием отчетов. Посреди музея стоял Ярик и бабушка Лидия Павловна – комендант первого корпуса – со связкой ключей в руках.

– Паша, ты лучше присядь. Я уже поговорил с Потаповым, он в курсе и объяснил, что делать.

– Что тут случилось?

– Похоже, это был Георгий. Правда, дверь была выбита

примерно в шесть утра и никто ничего не видел. Георгий один из стареньких. Болезнь подземного астронома… пропустил много уколов. Он месяц не кололся. Потапов считает, что у него от этого фляга засвистела.

– Нужно всех предупредить и вызвать милицию!

– У нас режимный объект. Потапов пообещал, что нам помогут, но милицию вызывать нельзя. Люди в безопасности. С этой стороны здания на первом этаже нет ни одного окна. Наружу он не сможет выбраться. Забор под напряжением.

От того, что Георгий не сможет выбраться, мне легче не стало.

– Где он сейчас?

– Прячется где-то в бурьяне. Единственный выход для него – это забраться в одно из незакрытых решётками окон второго корпуса. А там он уже почти дома, ну … или куда он рвётся. Пройти через проходную будет не сложнее, чем через музей.

Вообще-то я был ответственным за уколы Георгия. Раньше с этим проблем не было. К нему приходила наша фельдшер и делала всё как нужно, а в конце месяца я расписывался в журнале за все инъекции. Но недавно она ушла на пенсию и вместо неё взяли подружку Марины. Чёртова Марина…

– Ну и какой план?

– План только такой – Ярик показал на стол, где были расчехлены и аккуратно сложены пушки Гаусса.

– Блин.

Я, конечно, и раньше видел эти штуковины и даже мог ими пользоваться. Они были нужны, чтобы бесшумно стрелять в людей транквилизаторами. Ну, или не в людей.

– Я буду во втором корпусе на том этаже, куда он полезет вероятнее всего, – продолжал Ярик, – Будем контролировать два возможных выхода – это окно и второй корпус. Вечером должна быть помощь, – Ярик похлопал меня по плечу, – Короче, держись дружище. Потапов хотел выдать тебе рогатину и одного отправить на пустырь.

– Ага, я гражданское лицо. Надеюсь, Потапов свои уколы не пропускал, и нам правда помогут.

Ярик ушел, прихватив с собой два гаусса, и два он оставил на столе. Через какое-то время я увидел его рыжую физиономию в окне второго корпуса. Он помахал мне. Я тоже помахал ему, потом демонстративно прицелился и выстрелил в стену левее. Ярик показал мне средний палец. Я решил больше не тратить патроны. Посмотрел вниз. Там в густой траве блестели осколки стекла, кусков оконной рамы не было видно. Следов Георгия я тоже не увидел. Он мог прятаться под одним из ивовых кустов, которых было внизу достаточно, или где угодно. До моего окна от земли было метра четыре. Я тут в безопасности. На первом этаже окон нет. Есть теплый переход между первым и вторым корпусом. Он служит преградой между пустырем, где прятался Георгий и площадью перед институтом (там, где проходная). Сложнее всего могло быть Ярику. Он был тоже на втором этаже. Но

у того корпуса были зарешеченные окна, по которым можно было вскарабкаться наверх, потом прыгнуть и ухватиться за подоконник. Для какой-нибудь крупной обезьяны это была бы не проблема. Ещё раз оглядев пустырь, я решил, что нашего беглеца раньше вечера ждать нет смысла.

Лидия Павловна организовала уборку. Мусор с пола вымели, замеряли дверь и окно. Пока происходила эта хозяйственная возня, я нацепил на плечо оба гаусса и вышел в коридор. Отсюда было рукой подать до кабинета Корноухова. Рогонос наверняка сейчас на обеде. Он никогда его не пропускает. Думаю, даже если бы в окно второго этажа влетела бомба, он всё равно бы пошел обедать. Если встретимся, то скажу, что вызываю его на дуэль. Благо, два ствола у меня с собой. Или пусть объяснит, зачем ему понадобились мои документы. Я скрипнул дверью кабинета рогоноса и проскользнул внутрь. В узком пространстве стоял паяльный стол, посреди которого лежала здоровенная кастрюля с прикрученными на неё фарами. Из кастрюли торчали провода. "Вот дебил", – подумал я. Вытяжка работала, паяльник грелся.

– Павлик, животное! – раздался сзади визгливый голос рогоноса.

Я обернулся, и ствол моего собственного гаусса уперся мне в шею.

– Ой!

"Кажется, дуэли не будет", – пронеслось у меня в голове. Корноухов сжал мои щёки своими тонкими длинными паль-

цами и выдохнул мне сквозь зубы в лицо:

– Марина будет моя!

***

Я обмяк и съехал по стене на пол. Потом долго падал вниз в темноту, пока не увидел свет. Сначала маленькое пятно света. Затем свет начал расти, постепенно превращаясь в солнце, которое тянуло меня к себе. Солнце становилось таким ярким, что в какой-то момент я уже не мог его стерпеть и вздрогнул.

– Пррффф, – мне в лицо брызнули водой.

Человек напротив в темноте набрал в рот воду из фляги и плюнул мне в лицо ещё раз. Я ватными руками попытался защититься.

– Фух, – язык не слушался меня.

– Пришёл в себя, – констатировал Потапов.

Я лежал на полу в каморке рогоноса. Надо мной стояли Потапов и незнакомый мужчина ростом метра два весь в черном, который до этого светил мне в глаз фонарём. "Командир роты спецназа" – подумал я.

– Милостью Божьей, – пробасил великан в чёрном.

– Подвигай руками, ногами. Ничего не болит?

Я попытался подняться. Меня качало. Опираясь о стену и ухватившись за руку великана, я встал. Болело всё.

– Норм… я в порядке. Сергей Михайлович, – обратился я к Потапову, – подмога прибыла?

– Да, я и отец Семён.

Тут я понял, что чёрное одеяние на великане, это не спецназовская форма как у ниндзя, а лишь ряса священнослужителя. В свете луны блестела угольного цвета борода.

– Семён в миру был десантником, – добавил Потапов. – Мы бы приехали быстрее, но у меня машина не завелась. Видимо, магнит включён на всю катушку. Добирались на велосипедах.

Я промолчал про свою роль во всей этой заварухе.

– Ярослав был во втором корпусе, когда мы в последний раз виделись! – вспомнил я.

– Тут везде следы «Серафимов» и они ведут во второй корпус, дела плохи.

"Кроме Семёна ещё и какие-то Серафимы", – подумал я. Голова гудела.

– «АСКРИФ Серафим» – автоматизированная станция контактной работы с иными формами – пояснил Потапов, – Похоже, кто-то восстанавливал их в помещениях музея, а сейчас активировал для работы на платформе, которая находится под вторым корпусом.

– Платформа "Венеры-II", – догадался я.

– План такой, – продолжал Потапов, – Мы через восточную лестницу попадём на крышу теплого перехода. Оттуда заберёмся в ближайшее окно второго корпуса и будем пробираться к блоку управления магнитом, чтобы его обесточить.

– Блок управления в нашем корпусе.

– Была диверсия, он выведен из строя.

– А нельзя поступить проще и, например, обесточить трансформаторную подстанцию?

– Магнит питает собственный реактор, – Потапов помолчал. – Паша, тебе нужно будет подняться на двенадцатый этаж в кабинет главного и найти там телефон специальной связи. Закроешь дверь и сиди тихо. Если через час ты не увидишь, что магнит отключен, нажми кнопку "1" на телефоне и доложи о случившемся.

Он вздохнул и протянул мне ключи от кабинета.

– Может, утра дождёмся…

– Паша, возможно, утро вообще не наступит.

Мы пошли по тёмному коридору к восточной лестнице, подсвечивая себе путь фонариком. То и дело я спотыкался о следы бесчинства невиданной силы – выбитые двери и выломанные куски стен. Ноги всё ещё не слушались. Чтобы не выдать себя, по лестнице мы поднимались в полной темноте. Потапов и Семён остались возиться со стеклом. Я поднимался выше и услышал тихий хлопок – стекло лопнуло. Пока всё шло по плану. Украдкой я взглянул на второй корпус и то окно внизу, где я в последний раз видел Ярика. Окно темнело в лунном свете. Серое здание выглядело ровно так, как обычно. Запыхавшись, я поднялся на двенадцатый этаж. Скрипя паркетом, подошел к тяжёлой двери приёмной. Ключ не понадобился, было открыто. Сердце яростно билось в груди. Я потянул дверь и проскользнул в приёмную. Тут

дыхание моё остановилось, я чуть не запрыгнул на стену. На секретарском столе в лунном свете сидела девушка. Короткие белые волосы, стройная фигура, блестящие септумы в ушах. Фух, это была Алина.

– Привет! Ты меня напугала. Что ты тут делаешь?

– Тебя жду.

Алина соскользнула со стола, и так же легко с неё соскользнул сарафан. Она оказалась совершенно голой. Сердце моё остановилось. Этим мгновением хотелось любоваться бесконечно. Глядя мне прямо в глаза, она подошла совсем близко. Я обхватил её горячие плечи и притянул к себе. Мы целовались, и наш поцелуй длился, наверное, вечность. Тут рука её скользнула вниз. Она расстегнула мне ширинку, ухватила за яйца и начала сжимать.

– Ай, мне больно, отпусти!

– Мне нужен голосовой код активации. Он был в папке, которую тебе дал Лобанов. Говори!

– Я правда не помню! … Ааа… Цитата из Достоевского!

– Говори код!

Ещё чуть-чуть и мои яйца могли лопнуть, а глаза выпасть из орбит. Я изо всех сил пытался оттолкнуть её, но она будто превратилась в чугунный столб. Тут вдруг рука Алины ослабела, и мы упали на пол. Кряхтя, я поднялся на колени. Промежность пронизывала адская боль. У входа в кабинет я увидел худую длинную фигуру с гауссом в руке. Это был Георгий.

– … in nomine Domini nostri Jesu Christi eradicare, … plasmate Dei, – бормотал Георгий.

Алина вытянулась в струнку на полу и обмякла. Георгий схватил меня за руку и настойчиво потянул за собой к выходу.

– Нам нельзя здесь оставаться, Павле, – твердил беглец, сжимая моё запястье. Голос его звучал с испанским акцентом. Меня ничуть не удивило, что Георгию вдруг заговорил. Время и место были самыми подходящими.

– Думаю, мне нужно забрать папку с кодом активации, она в кабинете. Стоило из-за неё меня так мучить? – мне было больно, и я с трудом успевал за Георгием.

– Всё-таки, они здесь гости, и некоторые простые вещи даются им с трудом…, – Георгий немного сбавил темп. – Нам нужно пробраться к платформе "Дальней обители". Там безопаснее.

Стараясь не шуметь и зачем-то пригибаясь, мы быстрыми шагами пробирались вдоль стены. Вот восточная лестница. Луна освещает пустые чёрные окна второго корпуса ИНСЕРТЕХа и край пустыря. Взглянув вниз, я увидел веревку, которая свисала из окна второго этажа – её оставила "штурмовая группа". Тут до нас донесся голос из громкоговорителя. Он что-то монотонно повторял. Было не разобрать. Возможно "пожарная тревога" или что-то похожее. Я отпрянул от окна. Мы на цыпочках спустились на десятый этаж и оглядели тёмный коридор. Там было пусто. Два десятка метров до

отцовского кабинета я одолел легкими кошачьими прыжками. Оказавшись внутри, принялся шарить по ящикам стола. Папка "ДСП" была на месте, "гости" её не нашли. Часы показывали полпервого. Примерно тридцать минут с тех пор, как я ушел на своё задание. Лес за окном светился. Зелёные и фиолетовые всполохи то и дело поднимались в ночное небо.

– Потапов пытается отключить магнит с блока управления, который находится во втором корпусе. Я должен дать знать по телефону специальной связи, если у него ничего не выйдет. Нам нужно успеть до часу ночи, – объявил я Георгию.

– Павле, друг мой, для этого не следовало лезть в самую гущу. Я могу повысить мощность с платформы "Дальней обители", и система перейдет в аварийный режим. Уж это-то я сумею, – он нервно захохотал. – Точка спецсвязи есть там же на платформе.

Мы заспешили вон из кабинета. Мой спутник вел меня по залитым зыбким лунным светом лестничным пролётам и тёмным скрипучим коридорам к пожарному выходу актового зала, который располагался на третьем этаже. Пожалуй, мы могли бы проделать весь этот путь с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться. Да, кажется, я и шел половину пути, зажмурив глаза. Стоило взглянуть по сторонам, как мне мерещились неподвижные фигуры, которые молча наблюдали за нами из темных углов. Голос громкоговорителя звучал громче.

– … Деактивации, … оставайтесь на месте, – раздавался металлический хрип во тьме, где-то в холле института.

Возле пожарного выхода Георгий блеснул ключами. Дверь тихо отворилась, и мы оказались в просторном совершенном тёмном зале, где пахло кинотеатром. Мой спутник закрыл дверь.

– Прежде чем мы двинемся дальше, мне нужно задать тебе несколько вопросов, Павле. Это очень важные вопросы.

Мы ощупью нашли кресла с откидными сидениями и разместились на них рядом.

– Вспомни, за последние несколько дней тебе не встречался такой странный человек, который хотел затеять с тобой откровенный разговор. Ну, или он оказывался слишком близко к тебе, как бы нарушал твое личное пространство…

– Ты.

– Я серьезно.

– Алина.

– Ещё?

Я вспомнил, как ездил на троллейбусе последние несколько дней. Утром давка. Меня вдавливают в дверь, стискивают, потом я проталкиваюсь дальше внутрь салона сквозь толпу. Мы проезжаем Ремзавод, Овощебазу, потом сады. В троллейбусе становится пусто. Несколько моих коллег. Бабушки с авоськами. Усталая кондуктор.

– Вообще-то я езжу в троллейбусе.

– Здесь, ближе к институту.

Я пошарился в памяти. Вспомнил очередь в столовой. Мы обедаем по часам. У каждого отдела своё время. Никакой давки. Вспомнил, где я был ещё. Память привела меня на двенадцатый этаж в кабинет главного. Я сижу на стуле со стаканом виски в руках. Краем глаза замечаю в кабинете кого-то кроме нас с Лобановым. Мужчина довольно странный на вид сидит в дальнем углу. Катя приносит ему кофе. Он не спеша потягивает его из тонкой фарфоровой чашечки. Главный молча ходит туда-сюда вдоль кабинета как маятник, изредка размахивая руками. Я смотрю на гостя. Усатый, рыжеватый, сидит в кепке и клетчатой куртке. Пожилой интеллигент из творческой среды. Допив кофе, он ставит чашечку на подоконник и подходит ближе ко мне. Берет стул, присаживается напротив. Белый воротничок, галстук бантиком, на изогнутом носу круглые очки в коричневой оправе, глаза тёмные, влажные, немного красные. "Наверное, много курит", – думаю я. "Хоть бы кепку снял в помещении, да и жарко ведь". Какое-то время он спокойно смотрит на меня.

– Вспомнил, такой старик с крючковатым носом в круглых очках…

– Скорее всего, да. О чём вы говорили?

– Не могу понять, кто он. Риэлтор что ли. Про подселение говорили… Сначала он меня расспрашивал, какие у меня планы. Про Галю откуда-то знал. Спрашивал, чего бы я хотел больше всего. Может квартиру, машину… Не пойму, при чём тут подселение.

В этот момент над самым моим ухом раздалось: "Оставайтесь на месте. Приготовьтесь к деактивации." Я обернулся. Дверь пожарного выхода была распахнута. В дверном проёме стоял огромный тёмный силуэт. В центре его вращалось и горело голубым пламенем что-то на подобии турбины. Послышался нарастающий шелест.

– Ложись! – заорал Георгий и скинул меня с сиденья на пол.

В этот момент раздался треск пулеметной очереди. В мерцающем свете, который озарил зал, кресла разлетались в клочья. Я в изумлении лежал на боку в проходе, между рядами.

– Ползи к выходу слева, – проорал мой коллега.

Разбивая локти и колени о края сидений, прижимая к груди папку "ДСП", я пополз по-пластунски к противоположной стене зала в кромешной темноте.

– Приготовьтесь к деактивации, – хрипло произнес микрофон.

Снова нарастающий шелест и затем разрывающий тишину треск пулеметной очереди от левой стены зала в сторону правой. Ошмётки сидений и красной обивочной ткани летели в разные стороны. Огонь выстрелов осветил проход вдоль стены в паре метров впереди. Не помня себя, я вскочил на ноги и в полной темноте на ощупь, как мог, побежал к выходу справа. Существо с пулеметом двинулось вглубь зала, ломая задний ряд кресел.

– No pasaran! – услышал я за спиной.

Через какое-то мгновение после этих слов всё вокруг сотряс оглушительный взрыв. Меня отбросило вперед и засыпало штукатуркой. Пол загудел, завибрировал. Что-то громко ухнуло сзади. Волна невидимой пыли и щепок накрыла всё кругом.

– Приготовьтесь…приготовьтесь…приготовьтесь… – всё быстрее повторял металлический голос уже где-то внизу. Наконец он замолк. Я сел и закашлялся. Глаза было невозможно открыть. Всё заволокла пыль вперемешку со щепками.

– Эээй, Георгий, – закричал я, – Ты где?

В ответ было тихо. Ползком я начал двигаться к тому месту, где во вспышках выстрелов видел выход из зала, чтобы найти там выключатель. Ощупывая покрытый слоем пыли пол, я то и дело натыкался на мелкие обломки сидений. Вот, наконец, я нашел стену и нащупал дверь. Она была заперта и не поддавалась на мои усилия.

– Аааа, – я начал кричать и биться в дверь плечом изо всех сил.

Тут вдруг дверь отворилась, и я кувырком выкатился в коридор.

– Павел Саныч, тихо! – раздался громкий шепот Валентины. – Просто жуть, что здесь твориться!

Она стояла возле входа в зал с погашенным фонарём в руке. Коридор освещал лунный свет.

– Там Георгий, ему нужна помощь! – громко зашептал я.

Валентина вскрикнула и направила фонарь в актовый зал. Желтый луч тонул в пыли, повисшей в воздухе. Я взял у неё фонарь и направился туда, где последний раз слышал Георгия. Ряды сидений в правой части зала уходили вверх, как им и положено. Слева же зияла черная воронка. Очевидно, это было то место, где произошел взрыв. Вот луч фонаря выхватил из темноты что-то белое на фоне покрытых оседающей пылью обломков сидений и серого ковролина. Это был халат нашего коллеги. Георгий лежал неподвижно спиной на поломанных креслах, раскинув руки в стороны. На виске виднелось густое тёмное пятно крови.

Моя спутница снова вскрикнула и, сдавливая рыдания, потянулась руками к нему.

– Валя не шевелите его! Осторожно!

Я взял Георгия за запястье и постарался нащупать пульс. Спустя несколько мгновений понял, что сердце бьётся. Георгий был жив. В свете фонаря было видно, что пылинки над лицом двигаются и наш друг дышит. Валентина аккуратно вытерла платком кровь с виска, с седоватых вьющихся волос. Обнаружилась небольшая ссадина. Других повреждений не было видно. Георгий был без сознания и никак не реагировал на наши попытки привести его в чувство. Мы решили перенести его в фельдшерский пункт, который находился недалеко от актового зала. Пока я остался охранять неподвижное тело, Валентина ушла за носилками. Лунный свет немного осветил зал через открытый нами вход. Я уви-

дел блестящий ствол гаусса в метре от Георгия. На вид и на ощупь оружие было целым. Активировал его. В патроннике подсвечивалось не меньше двенадцати капсул. Подствольным фонарем осветил пожарный выход. В воронке взрыва, среди груды обломков пола, сидений и металлоконструкций заметил черный корпус "Серафима" опрокинутый на спину. Я стал искать гранаты. На поясе у Георгия их не было. Рядом, среди кресел я их тоже не нашел. В кармане халата лежали четыре капсулы с ярко красной жидкостью и надписью "Взрывоопасно!". Детонирующие заряды. Я представил, как ко мне приближается «Серафим», а я лихорадочно пытаюсь зарядить в гаусс эти капсулу. Нарастающий шелест, разрывающая тишину пулеметная очередь, всё, меня нет на этом свете. Пришлось немного повозиться с оружием, прежде чем удалось открыть патронник. Я вытряхнул все капсулы с транквилизатором на пол. Они бесполезны против «Серафимов». Зарядил четыре красных патрона с надписью "Взрывоопасно!". Кроме детонирующих зарядов в кармане халата я нашел ключ-перфокарту Георгия. Ключ-перфокарту я положил к себе в карман. Вернулась Валя, перевязала пострадавшего. Затем осторожно ухватила его за подмышки, расположив голову на своих предплечьях. Я взялся руками под поясницу и таз. Георгий был невероятно худым, длинным и при этом тяжелым. Мы переложили его на носилки и двинулись в путь по тёмным коридорам ИНСЕРТЕХа, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Вот фельдшер-

ский пункт. Дверь была открыта. Валентина приходила сюда за носилками. Мы аккуратно положили пострадавшего на кушетку. На часах шёл второй час ночи. Лес вдалеке за окном продолжал испускать разноцветные всполохи. Мне нужно было завершить начатое дело – перегрузить магнит, чтобы он отключился. Или хотя бы вызвать подмогу. Медлить было нельзя.

***

Я вышел в коридор. Идти, отключать реактор, который питает магнит, было крайне опасно, так как единственный целый блок управления находился во втором корпусе. Оставалось следовать плану Георгия и искать выход на платформу проекта "Дальняя обитель". Где он мог быть, я до сих пор не понимал. Попробовал рассуждать логически. Платформа «Венеры-II» находилась ниже цокольного этажа второго корпуса, это я знал со слов Ярика. Туда можно было попасть через шахту лифта. Планировка двух корпусов была похожей, и можно было рассчитывать, что я найду вход на платформу «Дальней обители» ниже цоколя первого здания. Я направился к западной лестнице, ступая как можно тише вдоль лунной дорожки. Мне очень хотелось остановиться и вернуться, дождаться утра в фельдшерской или просто убежать, куда глаза глядят – в поле, в город – куда угодно отсюда. Я старался себя успокоить тем, что дело должно быть плёвым, а если всё получится, то меня будут считать героем. Так я думал, спускаясь по лестнице на цокольный этаж. Ока-

завшись ниже уровня окон, я включил подствольный фонарь и направил его во тьму. Перила лестницы и открытые двери отбрасывали длинные острые тени. Было тихо. По коридору вдоль запертых дверей и распределительных шкафов я направился к тому месту, где надеялся найти вход на платформу. Фонарём я осветил широкие металлические ворота, окрашенные в светло серый или салатовый цвет. Они находились как раз в том месте, где на первом этаже располагались двери лифта. Было непонятно, как я спущусь к "Дальней обители", ведь лифт у нас не работал. Но другого варианта туда попасть у меня не было. На стене справа я увидел небольшой пульт с кнопками и приёмник для перфокарт. Недолго думая, сунул в него ключ-перфокарту Георгия. Рядом с кнопками на небольшом экране вспыхнул голубым треугольный логотип и надпись "Заслон", затем: "Введите пароль". Я набрал "1967" (год основания ИНСЕРТЕХа) и нажал "ввод". Экран моргнул, появился ответ: "Пароль неверный". Затем моргнул ещё раз: "Осталось попыток до блокировки ключа: 2". Я начал шарить фонарем по стенам в надежде, что какой-нибудь умник накарябал пароль рядом с пультом. Стены были чистыми, ровными, окрашенными той же краской, что и ворота. На стенке распределительного шкафа правее на уровне глаз виднелось выцарапанное "Беги". "Неплохо для пароля ", – подумал я и потянулся к пульту. Там было двенадцать кнопок. На них цифры и латинские буквы, клавиши "ввод" и "сброс". Я набрал "RUN" и "ввод".

Экран моргнул: "Пароль неверный", моргнул ещё раз: "Осталось попыток до блокировки ключа: 1". Выругавшись про себя, я начал думать и вспоминать, что за пароль мог быть у Георгия к этой двери. "Мог бы мне сказать или как-то намекнуть!", – мысленно ругал я его. "Какое-нибудь заклинание на шумерском, ух", – я бессильно долбил кулаком о бетонную стену. Тут до меня дошло: "No pasaran, точно!". Руки мои дрожали. Я не силен в испанском. Кажется, это пишется так: "NOPASARAN", – набрал я на клавишах. Потом "сброс". Ещё раз подумал, мысленно перечитал слово. Набрал: "NOPASARAN" и "ввод". Меня трясло. Экран моргнул, появилась надпись: "Пароль верный". Створки ворот с грохотом разъехались в стороны, открыв черную пропасть. Я вытащил перфокарту и сунул её назад в карман. Подсветил фонарём шаху лифта. Кирпичные стены, коммуникации, свисающие тросы. Лифта не было видно. Вдоль стены слева тянулась металлическая лестница. Она уходила высоко вверх и терялась в темноте. Ниже лестница спускалась метров на десять. Я увидел край платформы следующего этажа. Лестница, минуя его, шла дальше. Я погасил фонарь, сунул за пояс папку "ДСП", глубоко вздохнув, взялся за холодные ржавые перекладины и стал спускаться вниз. Стоило мне пройти пару ступеней, как гаусс соскользнул с моего плеча в пустоту шахты, хлестнув напоследок ремнем по щеке. Я чертыхнулся и в следующее мгновение ворота надо мной с гулким грохотом затворились. Словами не выразить, что я по-

чувствовал в то мгновение. Конечно, мне стоило проверить крепление ремня и ещё много чего сделать, прежде чем здесь оказаться. Стараясь не думать о том, что внизу могут быть такие же ворота, я продолжил путь. В шахте лифта подвывал ветер, было прохладно. Плечом я уперся в край платформы, которую видел сверху. Дальше должно быть дно шахты лифта. Я сбавил темп, стараясь не пропустить последнюю ступеньку. Кажется, я искал её вечность. Вот моя нога повисла в воздухе. Ниже ступеней не было и пол нащупать не удавалось. Я стал спускаться на руках, свесив ноги вниз. Пот лился градом, ладони скользили по холодным перекладинам лестницы. Последняя ступень уперлась мне в грудь, ноги не находили опоры. Я вытянулся в струнку пытаясь встать на невидимый пол и, наконец, нащупал его. Гаусс должен лежать где-то здесь. Присев на корточки, я начал ощупывать пол. Тут было полно мелкого мусора, попадались окурки и куски бетона. Мне удалось найти какую-то тетрадь и рядом с ней свой гаусс. Счастью моему не было предела, когда подствольный фонарь включился и ярко осветил подземелье. Я завязал двойным узлом ремень вокруг корпуса гаусса и закрепил оружие у себя за спиной. На всякий случай сунул за пазуху найденную тетрадь. Пора было выбираться. С кряхтением я вскарабкался по лестнице и стал искать край платформы, располагавшейся выше. Выбравшись на платформу, я на ощупь нашел стену и прижался к ней спиной. Глубоко вздохнул и включил фонарь. Луч уперся в такие же створки

ворот, как были этажом выше. Я увидел пульт для ввода пароля на стене справа и с облегчением выдохнул.

***

Ключ-перфокарта прочиталась, пароль сработал. Створки ворот начали с грохотом двигаться. Открылась освещённая ярким электрическим светом комната с белыми стенами и гладким бетонным полом. Вдоль одной стены стоял ряд стульев, вдоль другой располагался шкаф, в котором висели защитные комбинезоны. Я вошёл. Ворота с тем же грохотом затворились за мной. Кроме ворот из комнаты был ещё один выход: небольшая белая дверь овальной формы, видимо, гермозатвор, на которой располагался красный штурвал и надпись: "Чистая зона. Вход только в спецодежде." Подумав немного я решил не нарушать правила и надел комбинезон. Вращая красный штурвал, я открыл овальную дверь и оказался в небольшом освещённом шлюзе. Задраил за собой дверь. Тут мне пришлось немного поломать голову. Выход из шлюза не открывался, пока я не догадался нажать большую красную кнопку с надписью "Чистый воздух". Шлюз загудел, наполняясь быстрыми потоками воздуха из труб, которые располагались под потолком. После этого я смог открыть гермозатвор. Нужно сказать, что монотонность действий и яркий электрический свет меня немного расслабили. Наружу из шлюза я вылезал как люди выходят из автобуса на работу. Навстречу мне открывался чистый, широкий, ярко освещённый коридор. Я не сразу заметил красную полосу

на полу, в полутора метрах от того места, где стоял. И метрах в двадцати дальше по коридору огромную белую фигуру с шестью клешнями-манипуляторами и авиационной пушкой. Очевидно, это был «АСКРИФ Серафим». Турбина на его груди была закрыта металлическим спойлером, и всполохи голубого света под ним были едва заметны. Я замер, не смея шевельнуться. Нужно было что-то делать. Я начал открывать дверь шлюза. «Серафим» не реагировал. Я спрятался назад в шлюз и окрикнул его оттуда: "Эй!" Красный луч как от лазерной указки замелькал вдоль линии на полу в полутора метрах от моего убежища. Я вышел и подошел ближе к линии, встал в шаге от неё. АСКРИФ на мгновение включил сирену, я отступил. Было понятно, что он готов к бою. Я попытался прицелиться из гаусса. Снова вой сирены и движение манипулятора с авицаионной пушкой. Я опустил гаусс.

– Ваше имя, – металлическим басом произнес микрофон «Серафима».

– Павел, – представился я.

Снова тишина. Я выругался.

– Повторите команду.

– Развернись и иди в дальний конец коридора!

«Серафим» остался стоять неподвижно.

– Опусти пушку!

«Серафим» не шевельнулся. "Что же делать?", – думал я. Казалось, что до цели моего сложного путешествия все-

го несколько шагов. Коридор был достаточно широким, пол гладким и скользким. За спиной «Серафима» примерно метрах в пяти я увидел дверь, а ещё дальше коридор поворачивал влево. С моего места казалось, что этот проход слишком узкий для металлического чудовища. Авиационная пушка была в левой клешне. «Серафим» не сможет вести огонь по цели в этом коридоре. Мне в голову пришел такой план: я разбегаюсь, на ходу выбрасываю гаусс и, упав на пол, проскальзываю правее «Серафима». Не будет же он стрелять в безоружного сотрудника института. Дальше прячусь за поворотом коридора. План был абсолютно бредовым. Я отступил назад, плотно прижался к стене шлюза, держа гаусс двумя руками. С воплем ринулся в сторону красной черты, выбросил гаусс и на скорости упал на пол. Раздалась сирена.

– Аааа! Приготовься к деактивации! – орал я.

«Серафим» остановил меня клешней, шесть стволов авиационной пушки смотрели мне прямо в лицо. Он замер. Я лежал на полу.

– Готов к деактивации.

Я вскочил на ноги и, прижавшись к стене, попытался пройти мимо чудовища. Тут краем глаза я заметил на спине у АСКРИФ приёмник для перфокарт точно такой, как был на входе в "Дальнюю обитель". До спасительного поворота коридора оставалось совсем немного. Я вытащил из кармана комбинезона ключ-перфокарту Георгия и сунул её в слот на спине «Серафима». Раздался короткий гудок сирены. «Се-

рафим» выпрямился. Рядом с приёмником перфокарт поднялась шторка, закрывавшая экран и клавиатуру. На мгновение возник знакомый треугольный логотип и надпись "Заслон", затем появилось сообщение : "Деактивировать? Да/Нет". Курсор подсвечивал "Да". Стрелкой на клавишах я выбрал "Нет" и нажал "Ввод". Экран моргнул. Возникла надпись: "Выбор действия" и под ней список: "Охрана", "Патрулирование", "Атака", "Деактивация". Я выбрал "Охрана" и нажал "Ввод". Вновь открылось меню: "Объекты", "Субъекты". Я выбрал "Субъекты". В появившемся списке я увидел свое имя, дальше, вместо следующего имени шли какие-то непонятные закорючки, затем ещё список имён, которые мне ничего не говорили. Я передвинул курсор на свое имя. Экран моргнул, возникло моё фото в комбинезоне рядом с гермозатвором и надпись "Охранять? Да/Нет". Я выбрал "Да" и нажал "Ввод". В списке субъектов меня заинтересовало имя, набранное закорючками. Я выбрал его и нажал "Ввод". Экран моргнул и стал серым. Я нажал "Отмена". Ничего не происходило. Нажал "Отмена" ещё несколько раз, результат был тем же. Похоже, АСКРИФ завис. Вздохнув с облегчением, я поднял с пола гаусс и двинулся к двери, которую увидел в пяти метрах за спиной у «Серафима». За дверью был тамбур, где меня снова обдало сильным потоком воздуха откуда-то сверху. За тамбуром находилась комната, которая напоминала небольшой кинозал и красный уголок одновременно. Широкие кожаные кресла были повернуты к

белому экрану. Стены отделаны деревом. С потолка свисала красивая хрустальная люстра. По краям экрана два красных флага. В этой комнате я нашел бар с несколькими бутылками водки «Золотое кольцо», «Зубровки» и бутылкой шампанского «Din Fou Henri Maire», а также пустой холодильник. Шампанское я никогда не любил, так что отхлебнул немного «Зубровки» и поставил бутылку на место. Ещё были телефоны и бюст Ленина. Ничего, что бы напоминало регулятор мощности или какой-нибудь пульт управления. Я решил немного отдохнуть и расположился на удобном кресле в первом ряду. Расстегнул защитный костюм и достал из-за пазухи найденную в шахте лифта тетрадь. Судя по всему, это был дневник Георгия. Тетрадь была исписана его мелким убористым почерком, в основном текст был на испанском языке. Где-то в середине был заголовок на русском: «Болезнь подземного астронома». Георгий описывал симптомы. Из того, что я запомнил, были такие слова: «Во время приступов мучает сильнейший жар, хочется пить и невозможно напиться». Были ещё рисунки рогатых тварей. Георгий писал, что сделать качественное фото с помощью имеющегося оборудования их группе до сих пор не удается, но во время приступов он видит их как наяву. Ближе к концу тетради было снова на русском: «Думаю, «Дальняя обитель» понимает, что многие из нас подверглись инвазии на проекте «Венера». Это и есть причина отсутствия успехов в диалоге». Я убрал тетрадь назад и решил двигаться дальше.

Снова миновав энергичный поток воздуха, я направился за поворот коридора, туда, где хотел спрятаться от «Серафима». Как выяснилось, здесь было достаточно места, чтобы АСКРИФ мог пройти. Поискав подствольным фонарем, я обнаружил дверь с надписью: "Высокое напряжение. Опасно для жизни!" За дверью находилась пультовая. Светились экраны с рядами цифр. На приборном столе я повернул несколько крупных регуляторов на максимум. Зазвучал отрывистый сигнал сирены. Потом умолк. Пультовая озарилась красным светом. На одном из экранов вспыхнула надпись "Аварийный режим". Кажется, я все сделал как нужно. Тут мой взгляд упал на телефонный аппарат, который стоял на столе в углу пультовой. "Стоит доложить о случившемся, подумал я" и снял трубку. На телефоне была только одна кнопка "Вызов". Я нажал её:

– Allo?

– Ало, доброе утро, – разговаривать через защитный костюм было довольно неудобно, – Докладываю о чрезвычайном происшествии в институте ИНСЕРТЕХ. Неустановленные лица активировали «АСКРИФ Серафим» на территории учреждения, есть пострадавшие. Кроме того, неустановленные лица проникли к пульту управления реактором и, возможно, на платформу "Венеры-II" и создали угрозу…, – тут я задумался: "Угрозу чему?" Никакой реальной угрозы кроме взрыва в актовом зале, я пока не видел.

– Repetez, s'il vous plait, je ne vous ai pas compris, – отве-

тили на том конце провода.

Я заметил ещё несколько телефонов, которые располагались прямо на пульте, и положил трубку. "Кажется, не туда попал", – подумал я и направился к выходу. В "Дальней обители" не осталось следов моего пребывания и мне не хотелось здесь задерживаться. Когда я повернул за угол коридора, мою задумчивость нарушил хлопок. Капли брызг оказались на стекле, которое защищало моё лицо. Холодная волна страха накрыла меня. Я пригнулся и увидел человеческую фигуру рядом с выходом из шлюза. Этот кто-то нарушил инструкцию и зашел в чистую зону в спортивном костюме с гауссом в руках. И сейчас он целился в меня. Это был Ярик! Я спрятался за угол и активировал гаусс. Четыре капсулы в патроннике светились красным. У меня были только детонирующие заряды.

– Ярик, не стреляй, это я! – орал я сквозь комбинезон.

Выглянув за угол, я увидел, как он обходит «Серафима» уже совсем рядом. Другого выхода не было. Я выстрелил в АСКРИФ. Оглушительный хлопок и взрывной волной меня отбросило на пол. Свет моргнул и погас. Я поднялся и осветил подствольным фонарем место взрыва. Ярик лежал на полу ничком неподвижно. «Серафим» пришел в движение. Не теряя времени, я помчался мимо них по коридору в сторону выхода. Задраил за собой шлюз. Нажал кнопку подачи воздуха и принялся откручивать штурвал на двери, закрывавшей выход. Напоследок я разбил прикладом кнопку «Чи-

стый воздух» и запер шлюзовую дверь. Снова белая комната со стульями шкафом и комбинезонами. Свой комбинезон я бросил на полу возле приёмника для перфокарт. Ворота отворились, и я принялся шарить по стенам фонарем в поисках кнопки вызова лифта. Кнопка нашлась. Где-то наверху подъемный механизм пришел в движение. В это же мгновение послышался протяжный стон металла. Кто-то пытался выбраться из шлюза. Красный штурвал на двери в дальнем конце комнаты немного повернулся. Или это мне только показалось. Я посветил фонарём вверх, лифта не было видно. Ворота и не думали закрываться. Лифт, казалось, шёл целую вечность. Послышались звонкие хлопки, штурвал на шлюзовой двери двигался. На моё счастье ворота, наконец, закрылись. Пришёл лифт. Я, не раздумывая, запрыгнул внутрь и нажал на единственную кнопку. Кабина, не спеша и подрагивая, пошла вверх. Достигнув двенадцатого этажа, лифт остановился. На моё счастье на выходе была незапертая дверь. Я вошёл в кабинет Лобанова. Часы показывали начало четвертого. На цыпочках я прокрался в сторону приёмной, молясь, чтобы Алина ещё не пришла в себя или просто куда-нибудь исчезла. Дверь в приёмную протяжно скрипнула. На освещённом лунным светом паркете никого не было. Массивная входная дверь оставалась открытой. Я подошёл и прислушался. В коридоре было тихо.

– Паша, а ведь мы с тобой ещё не закончили, – услышал я за спиной.

Алина стояла возле окна, держа в руках два самозарядных охотничьих карабина, и целилась прямо в меня. Из одежды на ней был только ремень и две сумки с патронами. Я присел, она дала длинную очередь по двери и продолжала стрелять, разнося в труху шкаф с кубками. На четвереньках я выбрался в коридор и прижал спиной дверь. Ключ, который мне дал Потапов, я буквально вырвал из кармана вместе с куском подкладки. Двумя руками мне удалось всунуть ключ в замочную скважину и повернуть. Обстрел возобновился, и я бросился к дальнему концу коридора. Возле окна нашёл кнопку «Пожар». Запищала сигнализация. Сработал механизм, развернувший спасательный рукав для эвакуации. Я распахнул окно, перелез через подоконник и опустил ноги в жерло спасательного рукава. Выдохнул и прыгнул вниз. Со свистом преодолел все двенадцать этажей и оказался в высокой траве пустыря. Отчаянно дрыгая всем телом, освободился из плотной ткани рукава и вырвался наружу. Прохладный ночной воздух немного привел меня в чувства. Стрекотали сверчки, выстрелов больше не было. Через густые заросли я стал пробираться к воротам гаражей, которые были недалеко от того места, где я приземлился. Где-то завелась машина, затарахтел двигатель. Я увидел, как фары осветили забор метрах в тридцати от меня.

– Павел, мы здесь! – я обернулся и увидел Потапова. Он стоял на бампере УАЗика и махал мне руками на другом конце пустыря.

Я пошёл было в его сторону, хотел ответить и тоже замахать руками, как кто-то обхватил меня сзади, повалил в траву и зажал рот так, что я не мог издать ни звука. Это был Семён. Он прижал меня к земле, надавив коленом на грудь. Одной рукой он продолжал зажимать мне рот, второй забрал мой гаусс и целился в ту сторону, где стоял УАЗик. Землю сотряс взрыв, потом второй. Я отчаянно пытался освободиться от железной хватки бывшего десантника.

– Меня так просто не возьмешь, сатанинское отродье, – бормотал Семён.

– Ты что творишь? – наконец он ослабил хватку, и мне удалось выбраться.

– Паша, ты не понимаешь, они повсюду, вокруг нас, везде, прут из земли, из второго корпуса вашего проклятого института! – бешено шептал Семён, пятерней расчесывая бороду туда-сюда.

Я приподнялся и разглядывал дымящиеся обломки там, где только что была машина.

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его! – продолжал шептать Семён, сев и закрыв лицо руками.

– Да расскажи же, что случилось! – я попытался растрясти его за плечи.

– Корноухов ваш устроил там сатанинский алтарь! Выпустил бесов из преисподней и сейчас они кружат здесь в дикой пляске!

– Пошли, нам нужно уходить.

Семён завалился на бок, прижал ладони к лицу и шептал молитву. В этот момент я получил удар в затылок. Когда пришёл в себя, увидел склонившегося надо мной Ярика. Я попробовал что-то сказать, язык не слушался, вышло мычание. Ярик не обратил на это внимание и шарил по моим карманам, деловито как стервятник расклевывает труп жертвы. Найдя платок, он засунул его мне в рот. Я стал задыхаться, сердце моё забилось часто-часто, я с шумом втягивал носом воздух, не успевая выдыхать. В эту минуту, когда жизнь моя, уже казалось, оборвалась, из темноты донесся знакомый отрывистый звук сирены, нас осветил яркий луч белого света.

– Оставайтесь на месте, – металлическим басом произнес АСКРИФ.

Ярик вцепился в меня, согнул руки, выгнул спину и зашипел, будто животное, которое не в силах бросить добычу. Снова раздалась сирена. АСКРИФ заговорил на непонятном мне языке, который я считал шумерским. Мой мучитель отпрыгнул в сторону и скрылся в темноте. Я перевернулся на бок и, наконец, отрыгнул кляп. Потом почувствовал, как мощные лапы подхватывают меня. Под самым ухом раздавался грохот выстрелов. Меня качало из стороны в сторону, как маленькую лодку в лютый шторм. Я снова отключился. Когда пришел в себя, увидел сквозь туман над стеблями травы розовое предрассветное небо. Я встал посреди поля у опушки леса. Рядом в траве сгорбившись неподвиж-

но сидел АСКРИФ. Я поднял выпавшую из-за пояса папку "ДСП". Где-то на востоке еле виднелись две башни института. Взяв документы подмышку, я побрел в сторону садов. Там спрятался в заброшенном домике. День проспал на чердаке, на старом пыльном матрасе. Вечером, мучаясь от жары и голода, спустился в погреб. Залпом выпил первую найденную банку компота. Жажда не отступила.

***

Седоватый мужчина в штатском костюме отложил тетрадь с записками Павла в сторону и вытащил из папки следующий лист с коротким текстом: «Кроме изложенного в записках, о судьбе Павла более ничего неизвестно. Его ищет участковый милиционер из Вареновского сельского поселения и мама. Не сомневаюсь, что Павла найдут и ему будет оказана необходимая помощь. С полной уверенностью могу сказать, что "вся эта история" не имела бы продолжения, если бы Павел перед самым своим исчезновением не умудрился позвонить в CERN и рассказать о ЧП в институте. Мы принимаем все необходимые и возможные меры.»